

[ПАМЯТИ ПОЭТА]

Глеб ГОРБОВСКИЙ

(1931-2019)

4 октября 2021 года поэтический мир отметил 90-летие со дня рождения петербургского поэта, лауреата Государственной премии РСФСР имени М. Горького (1984) и множества других премий, Глеба Горбовского.

«День Поэзии» публикует фрагменты интервью с Глебом Горбовским, которое провёл поэт, главный редактор журнала «Невечерний свет/Infinite» Владимир Хохлев в 2010 году.

В ГОСТЯХ У ПОЭТА ГЛЕБА ГОРБОВСКОГО

– Как пишут в ваших биографиях – вы родились в учительской семье. Отец выходец из крестьянской старообрядческой семьи – Яков Алексеевич Горбовский...

– Деревня Горбово, откуда он родом...

– Старообрядческая вера в вас была каким-то стержнем?

– Нет. Я никакие церкви не посещаю... Это меня не касается... В Создателя высшего я верю. Такая земля не могла родиться ни с того ни с сего... Как пузырь...

– А теории о происхождении человека от обезьяны верите?

– Это чушь! Абсолютная. Мы уже давно проходили это...

– На ваше становление кто больше влиял: отец или мама?

– Отец! Я довольно рано в колонию попал. В 16 лет. Потом из колонии убежал – в 17. К отцу поехал, в Заволжье. Вот там он меня и поставил, как говорится, на учёбу.

Стихи я начал писать у отца... В колонии песенки какие-то я уже сочинял, но это было без бумаги. А у отца уже пошло. Но он заставлял меня учиться, чтобы я окончил семилетку за один год – у меня меньше чем три класса образования было... И я это сделал.

А вообще он был таким интеллигентом, стихи писал. Но меня отбивал от них. Говорил: учись. Мы в деревне за Волгой жили, он в школе преподавал. В начальной. Эта школа была его домом, и моим. А стихи – все, что я накропал в тетрадях школьных – собрали... И сожгли. Мой первый опыт.

– Глеб, Яковлевич, а ваше самое известное: «Сижу на нарах, как король на именинах...» в армии написано было?

– В армии, в 1953 году... Вначале было про фонарики: «Когда качаются фонарики ночные...» Я же городской. Василеостровский – на острове родился и жил. Поэтому я начал с фонариков, а затем перешёл к нарам. Я их помнил.

– Ещё с колонии?
– Конечно. И не только с колонии. И здесь я был на нарах... В ЛУРе. В Москве был МУР, а у нас был ЛУР.
– Когда вы впервые осознали себя поэтом?
– Никогда. Я не могу вспомнить такого. Честно. Чтобы у меня такой апломб был... чтобы я назвал себя поэтом...
– Как вы познакомились с Анной Ахматовой?
– Это в Комарово... Когда все летние – ну кто жил там летом – уезжали, я осенью или зимой – со скидкой – снимал комнату.
– В Доме творчества писателей?
– Да... И там ещё жила Анна Андреевна, в 12-м номере, внизу. Она приходила в столовку, как все. А я за ней наблюдал... Там висели на вешалке плащи, одежонка всякая и её шуба. Как-то я ей подал шубу.

Познакомился удивительно. У меня была тогда пишущая машинка «Москва», купленная с какого-то первого гонорара. Была бумага, копирка... И вдруг приходит ко мне какая-то женщина и спрашивает: не могли бы вы одолжить Анне Андреевне машинку? Я говорю: ради Бога.

Потом приходит та же женщина и говорит: не могли бы вы принять участие... тут у нас чтения...

Короче, я пришёл и почитал... Ахматова была в платке таком, белом пушистом... Плохо слышала уже и просила – погромче. Ну, в общем, так вот и познакомился.

– Была её реакция? В чём она выражалась?
– Ну, я понял, что она меня восприняла. И увидела, и поняла... Приняла меня.
– Ваши слова, опубликованные в 1985 году: «Ещё Россия не сказала свои последние слова...»
– Так она и не скажет.
– А сейчас в 2010 тоже «ещё не сказала»?
– Нет. Сейчас такое переменчивое время...
– Расскажите про судьбу «Тишины». Почему этот сборник был запрещён?
– Я не знаю, может быть, потому что его тогдашние власти ругали. А может, потому что там есть очень трогательные строчки. Тираж-то был всё-таки – 50 тысяч. Сейчас такие тиражи и не снятся.

– Насколько я знаю, часть тиража была просто уничтожена.
– Да. Но редактор «Тишины» Боря Друян затаил, спрятал часть тиража – довольно много пачек... И поэтому появлялись дарёные книжки.
– Вас часто называли неофициальным поэтом...
– До тридцати лет я нигде не печатался.
– И как удалось совмещать не официальность с членством в Союзе писателей?
– Не знаю... Я никогда не писал «Слава Ленину». Не было этого нигде. Но я писал трогательно, и стихи стали печатать в советских журналах. Раз трогает, и даже отклики идут – почему не печатать.

– Можно прочту из «Тишины»:
Есть на свете рабы, есть служители морга, есть властители ртов, председатели чувства... Но не знает никто вечной тайны искусства!

– Ну и что... и я не знаю.
– Не знаете... Но вы же создаёте искусство...
– Тайну же не все знают... Проще всего ответить так: у каждого есть свои способности на что-либо. Говорят – дар от Бога... Дар от Бога – это жизнь! Вот она дана Всевышним... и за неё надо благодарить Бога постоянно. Даже если она оборвётся – значит так нужно.

– Вы пишете: Итак, прощайте люди-числа, мне ближе люди-чудеса... Кто такие люди-чудеса?

– Чудеса... Это люди неповторимые, гениальные личности... Любой человек неповторим! Любой!

– И поэтому чудо?

– Конечно.

– Ещё из «Тишины»:

... И порой ненароком наглотаешься лжи. И сидишь одиноко... И вокруг...

– Ни души! Это хорошее...

– Глеб Яковлевич, автограф на память, пожалуйста.

– Давай ручку, так пишу: Володя, спасибо за визит – рад увидеться!

Глеб Горбовский.

28.02.2010.